18+

Алексей Баклан

ОТ НАГЛЬСТВА И УНЫНИЯ

случайные стихи

Алексей Баклан

От нагльства и уныния. Случайные стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28266229
ISBN 9785449012364

Аннотация

Данная книга – небольшое собрание случайных стихотворных заметок и наблюдений, преимущественно оставленных автором для собственной памяти и не предназначенных для широкого круга читателей.

Содержание

«Из старого, из старого совсем…»	6
«Не забываются города, болят…»	7
«Заложишь книгу старым чеком …»	8
«Нас губит Бродский. Тихие слова…»	9
Судоку	10
«Всё меньше вас, друзья, всё больше этих …»	11
«Это Родина – ну и что?..»	12
«Мы обитаем, чужды и странны…»	13
«На пароходе современности …»	15
«белеет Лазарь одинокий…»	16
Считалка	17
«И не заметишь: дождь прошёл …»	18
«Умрёшь сначала, а начнёшь потом…»	19
«Заснёшь – ничего не приснится…»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

От нагльства и уныния
Случайные стихи
Алексей Баклан

© Алексей Баклан, 2017
ISBN 978-5-4490-1236-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никому.

«От конца земли взываю к Тебе в унынии сердца моего»
(Пс. 60:3)
«Guess your dreams always end
They don't rise up, just descend
But I don't care anymore
I've lost the will to want more
I'm not afraid, not at all
I watch them all as they fall
But I remember
When we were young»
(«Joy Division»)

«Из старого, из старого совсем…»

Из старого, из старого совсем
мы выбираем что-нибудь одно,
одну из сотен пребанальных тем:
как дождь идёт, как хлопнуло окно.
И нынче дождь, обманчивая тишь.
Трамваи удаляются, скользя.
Когда-нибудь лишь это повторишь
как то одно, чего забыть нельзя.

«Не забываются города, болят…»

Не забываются города, болят.
Выбеливают небо тихие тополя,
Вечер над крышами теплится желтизной.
Не забываются… съёживаются года.
В одуванчики детства из взрослого «никогда»
безнадёжно просрочен неиспользованный проездной.

«Заложишь книгу старым чеком …»

Заложишь книгу старым чеком —
и пролежит ещё полгода.
Так обрастёшь библиотекой
незавершённого исхода.
Так всё забудется и минет —
поэт живой с поэтом мёртвым,
а ты застрял посередине
черновиком, давно затёртым.

«Нас губит Бродский. Тихие слова…»

Нас губит Бродский. Тихие слова,
оранжевая линия заката —
не angry birds, не сахарная вата,
не мир извне (замеченный едва).
Нас убивает пагубная страсть
играть в слова, не обладая даром —
бездумно, как в трамвае запоздалом
трястись домой, к окну отворотясь.

Судоку

Когда поймёшь, как далеки
от наших целей наши средства,
тогда порвёшь черновики
и фотографии из детства.
Библиотеку распродашь,
начнёшь разгадывать судоку,
но, обгрызая карандаш,
запишешь ненароком строку
про ту связующую нить —
всем заповеданную милость.
И никого не обвинить,
что ничего не получилось.

«Всё меньше вас, друзья, всё больше этих …»

Всё меньше вас, друзья, всё больше этих —
разбросанных в пучинах интернетьих,
которых фотографии и речи
едва напоминают человечьи.
Всё переведено и перепето.
Удушливое северное лето.
Вот дождь прошёл, рассеялось к закату.
Никто не прав, и все не виноваты.

«Это Родина – ну и что?..»

Это Родина – ну и что?
Сколько можно дышать мечтой
о забытом волшебном сне?
Всё завалит колючий снег.
То берёзка, то лютый взгляд
источают тоску и яд,
то рябины мертвецкий цвет,
что поэтами был воспет.
Где то золото в голубом? —
нет ни в будущем, ни в былом.
Непонятная злая речь —
я не буду её беречь.
В этих радостях и скорбях
не хочу узнавать себя.
Колокольный тревожный звон.
Рассчитайся и выйди вон.

«Мы обитаем, чужды и странны…»

Мы обитаем, чужды и странны,
в тени всепоглощающей страны.
Не выехали и не приросли,
следим, как снова дождь заморосил
и ощущаем странное родство,
как скованные чёрным колдовством,
как вдавленные в липкий чернозём,
где нет различий: выживем, умрём,
где пол-столетия как полчаса.
И слушаем чужие голоса,
к которым я и свой, по мере сил,
на всякий случай присоединил,
и прибавлял то «город», то «герой»
к той каменной громаде над Невой,
в которой хлеб с дождём и коньяком
ещё не оставался на потом.

***

Учи наизусть вселенскую грусть придёт невзначай седая печаль ты будешь готов к отсутствию слов бессонность ночей оставишь ничьей страна за окном укроется льдом за-

дёрни задвинь небесную синь в отсутствие звёзд твой выбор непрост вино или морс Шопен или Doors девятый ирмос оплавленный воск обрывки стихов во веки веков.

«На пароходе современности …»

На пароходе современности —
в обратный путь,
разочарованность и тлен нести
куда-нибудь,
где нет ни каменного берега,
ни невских вод.
Где неоткрытая Америка
и мрак болот.

«белеет Лазарь одинокий…»

белеет Лазарь одинокий
под небом серо-голубым
где недописанные строки
как неразвеевшийся дым
пиши, пиши – теперь пропало
и не отыщется ответ
пойдёшь вдоль Крюкова канала
в адмиралтейской темноте

Считалка

Над остывшей крышей —
дожделивый мрак.
Шишел-мышел вышел,
а тебе никак.
Ленинградский зуммер,
радиоэфир.
Чижик-Пыжик умер,
покачнулся мир.
В молчаливой гамме
некому вести,
мишка с пирогами,
чёрные кресты.
Над застывшим клиром
пустота пустот.
Раз-два-три-четыре,
и вот это вот.-

«И не заметишь: дождь прошёл …»

И не заметишь: дождь прошёл —
а небо серо.
Как будто, стёршись в порошок,
оно осело,
над Петербургом замерев.
…Прильнёшь к воротам,
и крестишься, и смотришь вверх —
а ничего там.

«Умрёшь сначала,
а начнёшь потом…»

Умрёшь сначала, а начнёшь потом.
Задремлешь над нетронутым листом
под покрывалом петербургских крыш.
Всё вспомнишь, ничего не повторишь.
Отложишь всё на чёрный зимний день,
проснёшься – свитер выцветший одень.
Всё можно оправдать такой судьбой,
и некуда спешить. И Блок с тобой.

«Заснёшь – ничего не приснится…»

Заснёшь – ничего не приснится,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.